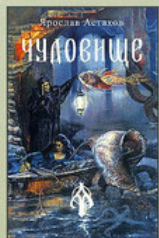

Ярослав Астахов

Встреча в Ареопаге

*Часть сборника
Чудовище (сборник)*

Ярослав Астахов
Встреча в Ареопаге
Серия «Чудовище», книга 7

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161391

Чудовище: Альва-Первая; Москва; 2005

ISBN 5-98668-003-0

Аннотация

Апокрифы говорят, что за знаменитые "неизвестные годы" Христос обошел весь мир, который Он явился спасти. Морским путем Он отправился в страну друидов, из нее в Скифию (Русь), затем, вниз по Волге, в Скифо-Индию, оттуда на берега Ганга, затем в Гималаи, в Египет... Насколько можно верить апокрифам? Рассказ, снабженный подробными комментариями в конце, передает малоизвестные исторические факты в захватывающей форме художественного повествования.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Ярослав Астахов

Встреча в ареопаге

И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам...

*Некоторые же мужи, приставши к нему, уверовали; меж ними был Дионисий Ареопагит.
Деяния Св. Апостолов, 17: 22–34.*

Едва ли он ожидал успеха. Не убедив своих – какую имел надежду владеть сердцами иноплеменников? Но помнил, что говорил Учитель об исповедании Слова даже и до края земли. И, преданный ученик Его, отправился в далекий и славный город, о коем ведал, что тамошние жители охочи до плодов мудрости. И на сороковой день пути, под высоким солнцем, достиг вожделенных стен.

Единый язык Империи позволял страннику свободно общаться с гражданами Афин. Однако его не оставляло неприятное впечатление: и все-таки он и эти люди не понимают друг друга. Он слышал вразумительные ответы на свои вопросы... однако тем и заканчивалось. Любой собеседник здесь, приветливо улыбнувшись, спешил возвратиться к прерванному занятию или продолжал путь.

Такой обычай внутренней собранности повергал странника в изумление и некоторую растерянность. Не так бы оно все было, окажись он, к примеру, на грязных и кривых улочках Етама или Хеврона. В земле колена Иудина в ответ на всякий вопрос его бы забросали немедленно массой вопросов встречных. А то бы и упрекнули в несоблюдении какого-либо из многочисленных предписаний узаконенного обихода. Предоставляя тем самым в изобилии поводы начать проповедь.

А стоило бы начать – немедленно бы образовалась толпа желающих проявить благочестие. Другое дело, как выразилось бы оно в итоге: в крикливом бурном одобрении произнесенного Слова? в исступленном разрывании на себе одежды и побивании пророка камнями? Как знать...

Причем и не понявшие ничего в проповеди – а таковых обыкновенно оказывается большинство – приняли бы горячее участие. В том или в другом, безразлично. Сойдет любая возможность, позволяющая отвлечься, хотя бы на какое-то время, от изнурительного полуденного зноя... Но в *этом* городе – среди соразмерных стен и прохладных мраморов необыкновенного вида зданий – и самого зноя, казалось, почти не чувствуется.

До вечера пробродил странник по непривычно широким улицам Афин, рассматривая алтари различным богам и статуи, поражающие сочетанием дразнящего совершенства

форм и внутреннего покоя. Но случая произнести Слово, которое он принес, все не предоставлялось.

И наконец он вступил в знаменитый Ареопаг, храм-площадь. И здесь почувствовал себя уже совершенно усталым и разбитым. И, утомившись, присел на камень.

Сей, послуживший к отдохновению путника, был многовековой мрамор, а может быть и многотысячелетний. Сужаясь и возвышаясь к центру, он образовывал род алтаря некоего оставленного давно канона. Его не украшала никакая резьба. В средней части, на расстоянии около трети общей высоты от вершины, выбита была строка знаков.

Местами символы оказались стерты рукою времени. Наполовину, а иные и полностью. И поначалу страннику не удалось никак разобрать написанное. Составленные из угловатых линий, рунического еще начертания письма не выдавали тайну.

Внезапно он осознал: перед ним даже и не ранний греческий, а этрусский, намного более древний, знаковый строй. Тогда ему открылся смысл надписи.

Она посвящала камень сей – *Неведомому Богу.*

Два эти слова, добытые с немалым трудом, странник, вероятно, произнес вслух.

По крайней мере некий афинянин, сидевший, как и он, на расширяющемся основании алтаря, – вдруг поднял от ладоней свое лицо. И обратил глаза к страннику.

...Недвижную фигуру этого человека пришелец заметил, когда еще он только подходил к месту. И почему-то странник решил тогда, скользнув рассеянно-утомленным взглядом: *нищий старик*.

Но перед ним теперь явилось молодое лицо.

Глубокие и ясные глаза выдерживали его взгляд спокойно и твердо. И странник обратил внимание: плащ этого человека, хотя и не имеющий украшений, выкроен из дорогой ткани.

– Желаете ли, – не медля обратился к нему пришелец, – я буду говорить к тебе об Этом Неведомом, Которого вы, афиняне, не зная, чтите?

При этом он поднялся перед эллином в рост и возвысил голос. Взгляд афинянина никак не переменился. Он оставался все таким же внимательным и спокойным. И этот взгляд, пожалуй, приглашал говорить.

Но перемены произошли вокруг, и они заслуживали внимания проповедника. Некоторые из прохожих, слышавших зычный голос, остановились и оглянулись. А где-то за спиною странника раскатился, внезапно, добродушный басок:

– Вы слышали? Тут собираются *Дионисию* говорить о чем-то, что он не знает. Уж если таковое существует в природе мира, то несомненно это – неведомое!

Тогда пришелец бодро вскочил на камень и продолжал голосом еще более громким:

– Вы, эллины, как замечаю я по всему, *особенно набожны*. И у других народов я видел искусные изваяния их богов. Но это были только кумиры, от которых ждут помощи в том или ином деле... идолы, чтобы молить о предотвращении гнева какой-либо разрушительной стихии... Словом, другие племена поклоняются лишь покровителям определенной и зримой части круга их жизненных попечений...

Около возвышающегося на мраморе постепенно собиралась толпа. Она внимала ему непривычно тихо, и странник, окрыленный первым успехом, продолжал вдохновенно:

– Однако среди ваших святынь я вижу и *камень сей*. (Он указал перстом вниз.) Поставленный не в поклонение исполнителям тех или иных нужд. Но в почитание Виновника Всего. *В честь самого Источника бытия. Неведомого. Скрываемого обыкновенно от иных тьмою человеческих попечений... Вы правы, эллины! Ибо самого Бога до недавнего еще времени не видывал никто никогда! Но Тот, Который Его явил – Он сказал: блаженны и не видевшие, но уверовавшие.*¹ Так Он избрал вас отвеча. И вот, я, ученик Явившего, ныне проповедаю вам Того, Которого вы, и не зная, чтите...

---

¹ От Иоанна, 20, 29: «Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны не видевшие и уверовавшие».

Узнайте же о Нем теперь, афиняне: Он есть *Единый*. Ибо лишь через Него все, что на земле и на небе, дышит, движется и живет. И не возможны без Него были бы никакое слово и никакая мысль. И никакое живое чувствование... Ваши мудрецы прозревали это.

Пришелец остановился передохнуть и окинул взглядом внимающую толпу. Все были обращены в слух. Одни облокотились на постаменты или колонны. Другие сели, подобрав полы туник, на мраморные алтарные ступени, случившиеся около. Иные расположились прямо на плитах мостовой... Все замерли почти без движения и лишь ветер с моря чуть шевелил одежды.

Пришедшему издалека была внове такая мера почтительности к излагаемой мысли. И он истолковал состояние собравшихся по-своему. Он решил, что ими овладело уже теперь высшее благоговейное восхищение, когда в толпе перестают произвольно подергиваться конечности и даже горла не исторгают внезапно нечленораздельных воплей... Вот время, – произнес он в сердце своем, – чтобы сейчас же они уверовали!

– И ныне засвидетельствована Самим Богом, – провозгласил странник, – истинность прорицания мудрецов ваших! Ибо явился в мир – и Бога явил в миру – Иисус, Сын Божий, единый со Своим Отцом и рожденный Девой. Его я

проповедую вам... Его, Учителя моего и Господа, Которого Отец *воскресил из мертвых!*.. И Сей Воскресший – в predetermined день, волею Своего Отца – будет судить Вселенную... Время близко! И потому я говорю вам, и призываю, и заклинаю: *креститесь во Иисуса Христа!* У вас довольно воды. Не около ли стогов града сего волнуется Понт Евксиньский? Креститесь – и тогда вы спасетесь. И прощены сделаются грехи ваши... Но, если вы не сотворите сие – горе вам! Ибо не совлекшиеся греха брошены во *тьму внешнюю*. И будет среди них червь, и вопль, и скрежет зубов! И огненные жупела серы падут на них. И поглотит грешников разверзшаяся геенна адава...

– Креститесь! – произнес еще проповедник более спокойно и веско. И, чувствуя в коленях легкую слабость, как часто это бывало с ним после пламенного порыва речи, снова присел на камень. Перед его глазами еще мерцал, кажется, только что открывавшийся ему вышний свет...

Словно издалека, приглушенно, доносились голоса из собрания слушавших его: «И Фалес говорил о воде...» «Единое начало всего – Бог богов... Уж не пифагореец ли это?» «Вот, я же говорил вам: и в нынешние времена еще рождаются какие-то боги!»

Пришелец был потрясен: последние фразы проповеди его, обыкновенно производившие наибольшее впечатление на

толпу, здесь оказались восприняты, по всему, просто как соразмерно выстроенная завершающая риторическая фигура – и вовсе не обсуждались.

Попытка приписать его к незнакомым школам вызвала раздражение.

Не говорящие ничего, или говорящие мало имена языческих пророков неприятно резали слух.

Народ меж тем расходился... И наконец проповедник увидел, что только самый первый собеседник его стоит перед ним, почтительно склонив голову.

– Я знаю о Призвавшем тебя, пришелец,² – произнес он, как будто ощутив на себе взгляд странника.

От изумления проповедник даже невольно подался ему

---

² То, что Дионисий Ареопагит ведал о Христе, Сыне Божиим, задолго до своей встречи с учеником Его Павлом, доказывается следующим. В Седьмом послании святителю Поликарпу, епископу Смирнскому, Дионисий вспоминает, как он вместе с философом Аполлофанием наблюдал в египетском городе Гелиополе необыкновенное затмение Солнца: Луна затмила его, совершив попятное движение по своей орбите, после чего вернулась к нормальному ходу по небу. Таково было чудо, свершившееся на Страстную пятницу. Об этом же говорится и в писаниях протопопа Аввакума, причем последний свидетельствует о словах, которые произнес Дионисий, наблюдая затмение. Именно эти слова доказывают ведение Дионисия. Аввакум пишет: «Сей Дионисий, еще не приидох в веру Христову, со учеником своим во время распятия Господня быв в Солнечном граде и виде: солнце во тьму преложилося и луна в кровь, звезды в полудне на небеси явились черным видом. Он же ко ученику глагола: Или кончина веку прииде, или Бог Слово плотию страждет, понеже не по обычаю тварь виде изменену».

навстречу всем телом.

– Как это?! Каким образом?

– От *своего* учителя, – отвечал афинянин, присаживаясь на камень около. – От Гермия Милетского. Последователя сокровенной школы, основанной пять веков назад Абаридом, скифом, пришедшим из борейских земель.

– Варваром? – с удивлением переспросил странник.

– Варваром... учиться у которого не считал за грех сам божественный Пифагор.³

---

³ По-видимому, скиф Абарид произвел очень сильное впечатление на современников-эллинов и на поколения их потомков. Платон в «Хармиде» говорит о нем как о совершенном целителе. Гераклит Понтийский посвящает мудрому скифу один из своих диалогов: «Абарид, или о душе». Геродот и Пиндар свидетельствуют о нем как о *носителе стрелы*, то есть – посвященном Аполлона Гиперборейского. Торжественное прибытие вещего скифа в Афины описывает Гимерий в «Эклогах»... Имя *Абарид* представляет собой, возможно, видоизмененное *ободрит* – название одного из племен, живших на берегах Венедского залива (теперь Балтийское море). Путешественника в чужой земле часто называли по имени его рода. Особенно – северян, поскольку в их обычае было сообщать *настоящее имя* лишь близким родичам. Странник, посвятивший Пифагора в сокровенное гиперборейское Знание, мог быть зафиксирован эллинскими хрониками как скиф-ободрит, а затем переписчики постепенно превратили его в *Абариду, скифа*. Ямвлих, жизнеописатель Пифагора, называет Абариду не учителем, а, напротив, учеником «божественного Пифийца». Но сам и приводит в трактате «Жизнь Пифагора» факты, со всей очевидностью противоречащие такой версии. По Ямвлиху, Пифагор *немедленно* раскрыл Абариду тайны, в которые ученики посвящались постепенно и не иначе, как по прошествии серьезнейших испытаний (пять лет молчания и тому подобное). Далее, согласно Ямвлиху и другим источникам, Абарид совершал гораздо более впечатляющие чудеса, нежели Пифагор. Так, вещий скиф «преодолевал огромные расстояния в короткое время, производил очищения, изгонял чуму, отводил бури от городов...» Наконец, Ямвлих

– Я слышал о великом Пифийце. Но ничего не знаю о школе скифа.

– Не удивительно. Мы, как и те, у кого школа наследовала Знание, почитаем первой заповедью *неразглашение*. Лишь теперь, когда Ожидаемое свершилось, мы позволяем себе говорить не *притчами*. Учитель постоянно напоминал мне: Истина, если бывает сообщена многим – многожды искажается. И в искаженном виде приносит уже не благо, а только зло.

– Школа Абарида хранит Учение, которому десятки тысячелетий, – продолжал Дионисий.

– Как? Но ведь мир...

Пришелец даже не завершил фразу. Так поразил его названный промежуток времени, превышавший, согласно убеждениям его, срок, истекший от самого Начала – от Семи Дней!⁴

свидетельствует, что именно *Абарид передал Пифагору стрелу Аполлона Гиперборейского*, то есть совершил действие, символизирующее посвящение ученика учителем. Так почему же Ямвлих придерживается версии, противоречащей фактам, которые он сам же приводит? По-видимому, дело в том, что этот писатель, живший через семь веков после Пифагора, в прямом смысле слова боготворил его, утверждал божественное происхождение Пифийца, почитая равным самому Аполлону. И, добросовестно передавая все, известное ему из древних источников, Ямвлих тем не менее не мог и не желал допустить, что Пифагор учился у кого бы то ни было, кроме как у самих бессмертных. Поэтому он пытается втиснуть известные ему сведения в версию якобы ученичества Абарида у Пифагора, и это явно не удастся ему.

⁴ Согласно иудейской традиции, от Сотворения Мира и до времен Дионисия

– Вы знаете об *одном* Потопе, – отвечал афинянин. – Учение же, о котором я говорю, древней *череды* подобных великих бедствий. Оно оставлено посвященными гипербореев – народа, что населял Арктиду. Так некогда называлась земля, располагавшаяся севернее любой другой суши. Теперь ее давно уже нет... Долины, некогда изобильные, покоятся под волнами холодного и бурного моря, в которое не может проникнуть далеко ни один корабль.

– Не те ли это *обитавшие на куполе мира*, о которых сказано и в нашем Писании?

– Вероятно... Жрецы Арктиды хранили сведения о действительной глубине времен. До самого до нца дней, когда первопредок Арий жил беспечально в пущах благословенного Ирия... Вот эта древняя площадь, где мы беседуем, – повел рукой Дионисий, – была наречена во имя Прародителя. Теперь об этом знают немногие... И однако в этом – *тайна* Афин. Название нашего города означает на забытом здесь языке: *Потаенное*.⁵

Ареопагита минуло всего пять с половиной тысячелетий.

⁵ «Афина – пишет историк Ю.Д.Петухов („Колыбель Зевса“, М., 1998) – не стала в прямом смысле женщиной, она навечно осталась Девой... Как произносится теоним? Греческое звучание приближено к „Атена“, если вы скажете греку „Афина“, он не поймет вас. Гласной „а“ свойственно при переходе из русского и славянского языков в иные выходить за согласную. И потому первоначальное, исконное звучание теонима можно реконструировать как „Та-ена“. Тайна!.. Богиня Мудрости. Мудрость – всегда невысказанность, недосказанность, сокровенность, в конечном итоге Тайна (и отсюда избранность, посвященность, огражденность и недоступность)».

– Арктида погрузилась под воду, – продолжал собеседник странника, – но посвященные ее передали Знание жрецам земель, что за горами Рипея.⁶ Так бореады сделались хранителями древнейшего из учений. Они пронесли сквозь тысячелетия главное наследие арктов: ведение о едином Источнике бытия. О Том, Который лишь один может нелукаво сказать: *Я Есмь*.

Пришелец непроизвольно вздрогнул, услышав, неожиданно, Священную Формулу. А Дионисий говорил дальше:

– Северные жрецы передавали от учителя ученику ведение о Боге и людей, и богов. О непостижимом Роде-Творце как видимого, так и невидимого. Его всепроникающее Присутствие – о котором ты только что так хорошо сказал, стоя

---

⁶ Уже на карте Гекатея Милетского – первой, известной историкам, географической карте мира – изображены Рипейские горы: протяженный приполярный хребет, представляющий естественную северную границу Великой Скифии. Историки спорят, где именно находятся эти горы, упоминаемые в русских былинах как обитель богов и страна чудес. По этому вопросу согласны с точкой зрения Северной Традиции известные слависты Галина Гусева и Константин Воротной. Этот последний пишет («Кострома Гиперборейская», 1999): «На территории Ярославского и Костромского края находятся Рипейские горы – священные горы ариев. Это не Урал, тем более не Кавказ или Памир. Это – Северные Увалы, проходящие как раз по северу восточно-европейской равнины – от Валдая до Камы. Здесь и была родина руссов. Одним из отрогов Увалов является Галичско-Чухломская возвышенность, одна из древнейших на равнине... Здесь, у отрогов Рипейских гор... обнаружены стоянки людей еще 3–7 тыс. до н. э. По своей принадлежности они арийского происхождения».

на сей ступени здешнего Его алтаря, – это Всеприсутствие Божие именуют у северян *Рус*, то есть Дух.⁷ А Самого Сокрытого они зовут *Один*, что означает: Единый.⁸

– Борейские посвященные наследовали – добавил афинянин – не только ведение о Боге богов и учение о глубинах

---

⁷ О том, что слова дух и рус были некогда синонимами и означали именно дух, свидетельствует старинное слово «по дух», означавшее «парус». Как многие синонимы, слова «рус»/«дух» переводились одно другим в наречиях соседствующих племен. Сам этот перевод закрепился в качестве устойчивого словосочетания русский дух, представляющего собой, если брать его древний смысл, тавтологию. Подобной тавтологией в наше время является устойчивое словосочетание народный фольклор. Кстати, как повествует этот фольклор, утопленницы становятся русалками, являющимися в лунном свете. Подобно этому говорят о явлении духа (призрака) самоубийцы. Впрочем, связывание слова русалка только с водой и, тем более, с утопившимися – вторично. Прежде говорили о русалках не только рек, но и леса, поля, холмов... То есть именовали так вообще духов мест, а то и души стихий. Сакральным же словом Рус обозначали не духов вообще, а, именно, Духа, иже дше, аки хще – Божие Всеприсутствие, Ипостась Св. Троицы (Великого Триглава, как именовали Бога Триединого Всевышнего наши предки). Такое значение слова Рус закрепилось в христианском православном термине Парусия (у греков сохранился и до сего времени), означающем Второе Пришествие как начало эпохи Святого Духа.

⁸ Исследователь и знаток единизма Кеннет Медоуз пишет об Одине: «То был не просто верховный бог, но Всеединый Отец – Создатель, „посеявший“ все, что когда-либо обрело бытие». (Kenneth Meadows, «Rune Power», 1996.) Имя Один не только перекликается со старонорвежским од – «ветер», «дух», но и представляет в точности слово общепорейского праязыка «odine» (единый), сохранившееся в русском как «один», а в английском как «one», также обозначающее единицу. Посвященные севера произносили «Odine!» как мистическую формулу: «В истину Существующий – Один!», народная же этимология, ничтоже сумняшесь, приписала Одину одноглазость.

прошлого. Они усвоили также и *пророчества* арктов. Учитель говорил мне о каменных скрижалях, что довелось ему видеть в одном из святилищ города Кореницы, едва ли известного кому здесь. На них были запечатлены точные описания перипетий Битвы, грядущей незадолго до того, как переполнится чаша Времени...

Пришелец отличался умением не только говорить, но и слушать. Чувствуя, что он столкнулся с чем-то совершенно не ведомом ему, он более не прерывал речь афинянина замечаниями или вопросами, а только поднимал иногда на собеседника внимательный взгляд, призывающий продолжать. И диалог их таким образом уступил место повествованию Дионисия.

– Древнейшее учение арктов, – говорил тот, – принесено было в наши земли народом, уже существовавшим задолго до времен Авраама и отца его Евера.⁹ Римляне называют это

---

⁹ Историк Александр Снисаренко пишет: «К северу от Балканского полуострова и в северо-западной части Малой Азии жили фракийцы, чьи корни уходят в такую древность, какая и не снилась тщеславным эллинам». («Третий пояс мудрости», Лениздат, 1989.) Подобные утверждения вовсе не голословны. Еще священномученик Ипполит Римский, епископ Остиумский, писал: «Это великая тайна самофракийцев, хранителей известного мистериального культа, которую нельзя выразить, и которая известна лишь посвященным. Они же могут с достоверностью сообщить об Адаме как о своем прачеловеке». («О Воскресении – против иудеев», III в. по Р.Х.) Знаменитый мистик начала XX в. Рудольф Штайнер ссылается на это свидетельство Ипполита Римского в работе «Христи-

многочисленное племя этрусками, мы же, греки – фракийцами. Но сами они себя именуют *русены* или, иногда, *одрюсы*.¹⁰ Ибо они сохранили первоисточную веру – в Единого – и посвященные их облечены Его Духом.¹¹

Эти потомки северных находников, которых египтяне и до сего времени называют иногда *людьми с холодного моря*, всегда отличались верой в исполнение гиперборейских пророчеств.¹² Предметом их особого упования, определившим

анство как мистический факт». При этом отмечая, что о существовании культа, «известного» во время жизни епископа, теперь забыто и лишь немногие знают, что вероучение о Едином Боге (о Боге и людей, и богов) существовало задолго до времен, о которых повествует Ветхий Завет.

¹⁰ Античные авторы оставили многие письменные свидетельства о фракийцах. Типичное описание их внешности находим, например, в поэме Ксенофана Колофонского (V в. до Р.Х.) о богах. «Их [бессмертных] наружностью каждый сравнил бы с той породой, к какой он и сам на земле сопричастен: Черными мыслят богов и курносыми все эфиопы, Голубоглазыми их же и русыми мыслят фракийцы». Современный историк Владимир Щербаков пишет: «Фракийское племя, объединившее другие племена региона, называло себя русами. Античные же авторы называли их одрисами (произносилось *одрюсы*). Случай тот же, что и с этрусками, которые сами себя называли расенами (росенами, русенами), а латинские авторы называли их этрусками. Самоназвание народа вообще нередко отличается от его названия на другом языке». («Асгард – город богов», М., «Молодая гвардия», 1991) Основываясь на результатах своих исследований в Малой Азии Щербаков полагает несомненным «родство этрусков с такими народами как русские, киевские русы, белорусы, русины (народ, живущий в Прикарпатье), балтийские русы (ободриты), давшие, кстати, начало роду Рюриков».

¹¹ «Немногие – писал отец истории Геродот – посвящены в тайное учение... совершаемое на Самофракии» Страбон же добавлял «Их [самофракийцев] все считают чем-то вроде людей боговдохновенных».

¹² Одну из волн переселения северных народов на юг, пришедшую на ко-

обычай, было то, которое недавно исполнилось. Что неискособрачная Дева некогда родит Спасителя Мира, зачатого не от мужа, но от самого Духа.

В честь этого Предсказания одрюсами издревле установлен ежегодный праздник: *Русалии*. По форме это прославление Девы-Птицы, то есть – на языке символов – чествование Девы и Духа. Мне доводилось видеть, как девушки русенов совершают священный танец в облачениях из перьев белого голубя...¹³ Известно ли тебе, странник: город, где располо-

---

нец третьего – начало второго тысячелетия до Р.Х., известный историк-славист Б.А.Рыбаков описывает как «марш боевых топоров» от Полесья до Атлантики. Историк Александр Снисаренко добавляет: «Оттуда же, с севера, явилось в Средиземноморье высокорослое племя русенов... и все остальные народы, упоминаемые в „Гимне победы“, „Поэме Пентаура“ и других египетских памятниках. По крайней мере в пользу этого свидетельствуют указания античных авторов на то, что этруски были киммерийцами, то есть северянами, переселившимися по неизвестной причине в Малую Азию». («Третий пояс мудрости», Лениздат, 1989.)

¹³ На древней иконе Благовещение, хранящейся в музее города Владимира, изображены Мария Дева и архангел Гавриил, приносящий весть, что Она зачат от Святого Духа и родит Сына Божия; под этими двумя фигурами крупно изображены три танцующих белых лебедя... Традиция о Деве-Птице, то есть о Деве и Духе, насчитывает многие тысячелетия. Еще Прометей в трагедии Эсхила говорит о девах, подобных лебедям, обитающих на краю земли, окутанной вечной ночью. Античная Греция знала их как фракийских дев, и позднеантичная мифология усвоила им имя форкиды – дочери божественного прародителя Форкия. «В славянских и германских сказках – пишет историк и доктор философии В.Н.Демин („Тайны русского народа“ – М., „Вече“, 1997.) – одинаково распространен образ Лебединых Дев, что... сбрасывая лебединое одеяние, превращаются в волшебных красавиц... Аналогичные представления сохранились у народов, населяющих север нашей Родины... Все это свидетельствует о том, что гиперборейская лебединая символика охватывала значительные простран-

жен теперь ваш Храм, основан был переселенцами-одрюсами и получил имя в честь этих празднеств?¹⁴

ства Евразии и распространялась на многие разноязычные народы на протяжении многих тысячелетий». Специалисты по мировой фольклористике называют предания о Деве-Птице бродячим сюжетом, так он распространен в северном полушарии. «Но – замечает Демин – сюжеты бродили не сами по себе, а по той причине, что бродили люди и народы, их распространявшие. Когда-то был единый народ с единым языком и едиными правераованиями. Единый очаг культуры находился на Севере... Затем начались дифференциация и расселение народов, растянувшиеся на тысячелетия. Одни впоследствии оказались в Индостане или на Иранском нагорье, другие остановились в ареале от Волги до Одера... от Черноморско-Кавказских степей до Прибалтики и Волхова... третьи двинулись на Балканы через Малую Азию и с севера, основав по берегам Средиземного, Эгейского и Адриатического морей древнегреческие колонии и полисы. Былое же время, когда они тесно соприкасались, и отразилось в дошедших до нас сильно измененных преданиях о славянской Дане – Жене Солнца и, одновременно, Деве...» Добавим, в Откровении Св. Иоанна Богослова сказано: Наступил брак Агнца и Жена Его приготовила себя. И дано было Ей облечься в виссон чистый и светлый... (19: 7,8.) В качестве брачного облачения Жены-Девы называется именно виссон – материя, изготавливавшаяся из птичьего пуха. Едва ли это случайный выбор, никак не связанный с пророчествующим каноном древних Русалий... Тем более, что в Откровении почти сразу же затем сказано: Богу поклонись, ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества. (19: 10.)

¹⁴ Иерусалим пребывал столицей древнееврейских государств, в общей сложности, не более 500 лет. Престолы ветхозаветных царств – Израильско-Иудейского, Иудейского, Хасмонеев – неизменно рушились в нем, продержавшись лишь век-другой. История же самого Города насчитывает многие тысячелетия. Арабы называли его El-Kods – Святой Город. Различные племена потомков северных переселенцев именовали: God's (Божий); Evus, Ievus или Dievus (Диев – Богов – или, по другой версии, Девий). А также прозывался он и Русалы – место Русалий. Божьим, святым Город слыл еще когда Авраам, прародитель еврейского народа, пребывал бездетным. Диев уже тогда был славен и силен и древнюю имел историю. Его населяло племя иевусеев, поклоняющееся Всевышнему (Бытие, 14:18) – Богу и людей, и богов. Владыкой Города был святой царь-жрец. Потомки

– Некогда – продолжал Дионисий – почитателями Руса было заложено множество городов на пространстве меж двух морей, северное из которых не даром и до сего времени зовут *Русское*.¹⁵ Таковы Ас, Дума... Икона, Скифоград и Верея

Авраама прозвали этого царя Мелхиседек (Царь Праведный). Однако позднее они же говорили о нем «сын блудницы» (свидетельствует Епифаний Кипрский). Наверное – чтобы оправдать свое вторжение в Святой Город и узурпацию престола. Под именем Мелхиседек первый из упоминаемых в Библии царей Града Божьего вошел в Священную Историю. Славянский извод книги Еноха, восходящий к ессейскому оригиналу и, возможно, к более древним источникам, повествует, что Мелхиседек при жизни возносился на небо и прозревал славу грядущего Христа. Авраам, выходец из многобожного Ура Халдейского, мог воспринять веру в Единого Всевышнего именно от народа иевусеев. По крайней мере Авраам жертвовал Мелхиседеку, посвященному венценосцу, десятину со своей военной добычи (Бытие, 14:20). Потомки Авраама уже не отличались подобном благочестием. Более того, из века в век они затевали войны против Святого Града – столь же постоянно, сколь безуспешно. Книга Бытия (32: 24–28) повествует аллегорически: Иаков (персонификация евреев) боролся с Ангелом Божьим и не мог одолеть. За что и наречен был Израиль (Борющийся с Богом). Град Божий не сдавался натиску потомков Авраама со времен еще Навина, истребившего все окрестные племена, и приобрел у поколений евреев славу неприступного. Диев покорил лишь Давид – во времена гораздо более поздние. И то только благодаря тому, что захватчиками случайно был обнаружен древний подземный ход, ведущий сквозь скалистую толщу гор в подземелья Города. Кем и когда был сооружен этот грандиозный туннель? Иевусеи, защитники, не знали о его существовании, почему и не предприняли мер по его охране или же перекрытию. Возможно, это указывает на то, что даже и не они, тысячелетиями владевшие Святым Городом до евреев, были основателями его.

¹⁵ Черное море именовалось Русским начиная с эпохи господства на нем Суружа – процветающего русского торгового города. В IV в. до Р.Х. греческий полководец Перикл, родом из Афин, взял Сурож приступом и разграбил его. Об этом повествует Влесова Книга (III, 21): «во храмах сурожских, добытых врага-

(что означает на забытом здесь языке: *затвор*). И таковы же Кротон, Смирна и Милет – родина моего учителя.

– Гиперборейское пророчество о рождении Божича – говорил афинянин – указывало конкретную землю. Она тысячами привлекала паломников с востока и севера. Значительное их число оседало здесь, на побережье теплого моря. Однако веру отцов сохранили в чистоте немногие из потомков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.